

УДК 81'42

КОНСТРУКТ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Романов А. А., Новоселова О. В.

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

e-mail: legora@list.ru

Статья посвящена прагматической категории коммуникативной справедливости, которая способна выступать регулятором диалогического общения и разделять все дискурсивные практики независимо от их формально-грамматических признаков на коммуникативно-справедливые и несправедливые, а также проблемам функционирования в социальном коммуникативно-справедливом взаимодействии языковых средств, засоряющих речь и делающей ее просторечно-грубой. Предложенный подход к лингвоэкологическому коммуникативно-справедливому взаимодействию основан на комплексном учете языковых и прагматических характеристик высказываний и позволяет по-новому взглянуть на представленную проблематику, так как он ставит в центр исследования не отдельную языковую личность или человека говорящего, а человека, находящегося в социальном пространстве и языковой среде, которые влияют на его выбор способов языковой репрезентации своего коммуникативного намерения.

Ключевые слова: дискурсивная практика, категория коммуникативной справедливости, коммуникативно-справедливые практики, социальное взаимодействие, конструкт лингвоэкологической справедливой коммуникации.

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к категории коммуникативной справедливости с позиции функционально-семантического подхода показало, что данная категория представляет собой сложное и многоуровневое явление, отражающее динамическую природу социальной коммуникации [Новоселова 2015; 2015а; 2015б]. Действительно, категория дискурсивной справедливости соотносит коммуникативное поведение людей с их внутренними представлениями об эффективности социального взаимодействия и функционирует в типовом интерактивном пространстве диалога, акцентируя внимание собеседников на процессе установления отношений между ними. В частности, основная функция данной категории заключается в регулировании отношений между коммуникантами в различных интерактивных ситуациях, основанном на установлении (или поддержании) такого типа отношений и такого коммуникативного пространства, при которых коммуниканты смогут синергично (согласованно) продвигаться к намеченному результату, а речевые действия каждого из собеседников будут оцениваться ими как коммуникативно-справедливые.

Кроме того, данная прагматическая категория, способная выступать регулятором диалогического общения [подробнее см.: Романов 1988; 2008], разделяет все дискурсивные практики независимо от их формально-грамматических признаков на коммуникативно-справедливые и несправедливые. Так, под *коммуникативно-справедливой дискурсивной практикой* будем понимать естественно-языковую практику, инициатор которой преднамеренно *не изменяет* содержание и интенциональную направленность своего высказывания с целью установить комфортное или дискомфортное положение дел для адресата (но выгодное и бенефактивное для инициатора), а также комплексно учитывает такие факторы как организация комму-

никативного поведения собеседника, пресуппозиционные параметры [подробнее см.: Романов 1988; 2005] высказывания, его иллокутивные характеристики, средства поверхностной манифестации и функционально-семантические свойства.

В этом плане коммуникативно-справедливое дискурсивное взаимодействие *прагматически выгодно* для каждого из участников диалога, так как оно создает такое интерактивное пространство, в котором речевые действия различной тематической и иллокутивной направленности каждого из собеседников будут оцениваться ими как коммуникативно-справедливые. При этом, воздействующий потенциал коммуникативно-справедливого взаимодействия может быть маркирован речевыми образцами, являющимися причиной возникновения как комфортного, так и дискомфорта состояний адресата, а содержательные рамки его интерактивного пространства не ограничены тематикой какой-либо одной сферы применения, позволяя предположить, что данная прагматическая категория *оправдывает* любые языковые средства, тактики и техники, использованные партнерами по общению для реализации поставленных ими целей интерактивного взаимодействия.

Подобный ракурс изучения особенностей функционирования коммуникативно-справедливых дискурсивных практик затрагивает актуальные проблемы лингвоэкологической сферы социально-справедливой коммуникации, приобретающие все большее значение в настоящее время под воздействием ряда факторов, связанных с процессом глобализации, кризисом духовной сферы и трансформированием системы морально-нравственных норм. С этих позиций представляется целесообразным выявление и описание языковых средств, формирующих интерактивное пространство коммуникативно-справедливого взаимодействия (но не выступающих маркерами-показателями данного типа взаимодействия), с позиции их соответствия нормам словоупотребления русского литературного языка, а также изучение их роли в регулировании диалога и установлении отношений между собеседниками. Кроме того, выбранный ракурс демонстрирует важность не только проблем описания языковых структур, участвующих в коммуникативно-социальной интеракции, но и значимость задач всестороннего изучения интерактивного пространства жизненных сценариев, связанных с реализацией различных речевых актов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В свете поставленных вопросов особое внимание привлекает дискурсивное взаимодействие партнеров в необусловленных институциональными отношениями ситуациях, когда никто из них не задумывается о форме языкового выражения своего коммуникативного намерения, но каждый нацелен на успешное взаимодействие. Так, в ряде случаев коммуникативно-справедливое пространство диалога формируется при помощи разговорных форм слов (здесь и далее выделены полужирным курсивом разговорные, просторечные формы слов, а также слова со сниженной эмоциональной оценкой и слова-паразиты) (1):

– *Сёдня пригрет здорово. (КС)*

– *Всё уж ... **паска на носу**, – откликнулась Михайловна (1'КС)* (Шукшин, 1988: 7)

Здесь и далее цифрами отмечены инициативные интерактивные ходы коммуникантов, цифрами с апострофами – ответные интерактивные ходы; буквы «КС»

после цифры обозначают коммуникативно-справедливую практику, «КНС» – коммуникативно-несправедливую практику.

Следующим примером того, как коммуникативно-справедливое взаимодействие может быть маркировано языковыми средствами со сниженной эмоциональной оценкой и словами-паразитами, является данный диалогический отрывок (2):

Емельян Спиридоныч долго надевал тулуп, минут пять искал папаху... Подпоясался цветной опояской, взял под мышку рукавицы-лохмашки, остановился у порога.

– *Ну?* – у него привычка такая была: перед уходом из дому останавливался у порога, оглядывал избу и спрашивал: «Ну?». (1КС)

– *Ты... это...* – Михайловна пошла его проводить. – Много *шибко* запросит, так уж не берите. Что их, косяк целый держать? А ребятам строиться скоро – деньги надо... (1'КС)

– Там поглядим, – уклончиво сказал Емельян Спиридоныч. Он никогда серьезно не советовался с женой (2КС) (Шукшин, 1988: 9).

Языковые средства из приведенных выше примеров (1) и (2) можно охарактеризовать как нарушающие произносительные нормы русского языка («сёдня», «паска»), грамматические («пригрет») и содержащие просторечные формы («шибко»), слова-паразиты («Ну», «...это»). Кроме того, один из собеседников выразил тематическое содержание своего коммуникативного намерения с помощью неоднозначной фразы «Ну?». Подобное использование языковых средств не только противоречит правилам русского языка, но и таким коммуникативным качествам речи как точность, понятность и выразительность.

Как видно из данных примеров, партнеры по диалогу не только понимают языковую форму, тематическое и интенциональное содержание обращенных в их адрес реплик и оценивают их как коммуникативно-справедливые, но и успешно закрывают их ответными репликами в рамках типового фреймового сценария. Поэтому коммуникативная справедливость представленных диалогических отрывков может быть объяснена тем, что взаимодействие в них происходит в кругу близких людей, между которыми установлены доброжелательные отношения задолго до представленного выше диалога, и подобная практика использования языковых средств является для них типичной.

В условиях социальной интеракции проблемы лингвоэкологичности коммуникативно-справедливой дискурсии могут проявлять себя и в тех случаях, когда только один из партнеров по диалогу использует языковые средства со сниженной эмоциональной окраской, а другой оценивает такое речевое поведение собеседника как социально неприемлемое в условиях типового фреймового взаимодействия, т.е. как коммуникативно-несправедливое. Например, в дискурсивном фрагменте (3) возникает коммуникативное рассогласование между собеседниками, основанное на неприемлемости использования одним из партнеров (инициатором в данном случае) языковых средств со сниженной эмоциональной окраской, не соответствующих пресуппозициональным и прагматическим факторам ситуации:

– Ты зачем сюда *приперся*, скажи? (1КС)

– А вы зачем сюда *приехали*? (1КС)

– Ну, это уж не твое дело. (1КС)

– *И мое дело – не ваше. И не тыкай мне, слышишь? Меня Владимир зовут, Владимир Любомирович! (IKC) (Голованов, 2016)*

Ср. также (4):

– *Сними хотя бы цепи свои. Ты не понимаешь, что ли? Зазвонят не вовремя — и конец тебе. (IKC)*

– *Вы! – рывкнул Боров. (IKC)*

На запястье его правой руки и на шее висели золотые цепи, обе толстые до неприличия.

– *Что «вы»? (IKC)*

– *Меня зовут Вениамин. Для тебя, **малолетка**, Вениамин Михайлович. Понял? **Не тыкай** мне тут! (IKC) (Левицкий, 2016)*

Примечательно, что подобные ситуации несоответствия выбора языковых средств одного из партнера по типовому диалогу языковым ожиданиям другого партнера, как правило, проявляются на начальном этапе диалога, блокируя дальнейшее взаимодействие собеседников. Кроме того, как показывают примеры, один из партнеров может сообщать своему собеседнику о подобном несоответствии (см. реплики выше «*И не тыкай мне*» и «*Не тыкай мне тут!*»).

Важно отметить, что и ориентация инициатора взаимодействия на известные ему нормы социального поведения не исключает возможности ответной реакции собеседника, выраженной языковыми средствами со сниженной эмоциональной окраской. Так, адресат следующего диалога использует вежливое приветствие к незнакомому человеку, приемлемое при обращении к незнакомым лицам, лицам более высокого социального статуса в силу должностных обязанностей или возраста (4):

Я вскочил с бетонного забора и направился к очередному, приближающемуся ко мне бегуну. Крепкий мужчина в чёрных спортивных трусах, белых кроссовках и ярко-красной футболке.

– *Здравствуйте, – вежливо сказал я, останавливаясь. (IKHC)*

Он удивленно посмотрел на меня и, замедлив бег, тоже остановился.

– *Привет, – оглядев меня с ног до головы, произнёс он. – Чё надо? (I'KHC) (Гладов, 2016)*

В прагматической ситуации приведенного фрагмента инициатор, основываясь на своих языковых и ситуативных знаниях, выбрал форму обращения в типовом взаимодействии на «*Вы*». Однако адресат реплики (IKHC) не был готов к предложенному в ней взаимодействию на «*Вы*», поэтому он оценил ее как социально неприемлемую по отношению к себе и к выбранному им типовому фрейму взаимодействия на «*ты*». По этой причине он считает реплику (IKHC) коммуникативно-несправедливой, что вербально нашло отражение в его ответном шаге (I'KHC). Другими словами, в данном диалоге каждый из собеседников оценил обращенную к нему дискурсивную практику как коммуникативно-несправедливую.

Представленные примеры (1) – (4) еще раз подтверждают идею того, что по формальным признакам дискурсивных практик не представляется возможным однозначно определить их коммуникативную справедливость [см., например: Новоселова, 2015б]. Действительно, интерактивное пространство коммуникативно-справедливого взаимодействия, с одной стороны, может быть сформировано как вежливыми или нейтральными языковыми средствами, так и грубыми и просторечными формами. С другой стороны, коммуникативно-несправедливыми могут быть

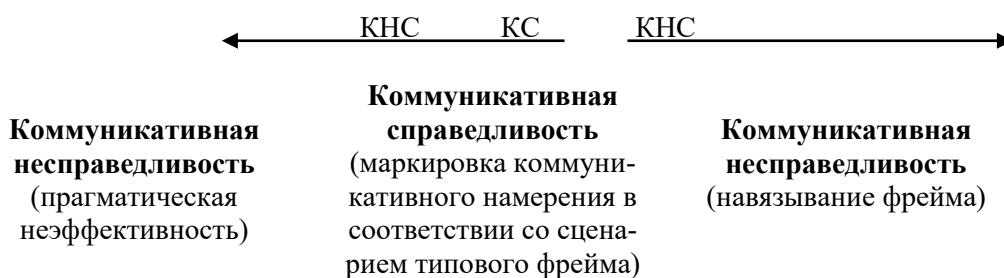
не только реплики, маркированные разговорными, грубыми или просторечными формами, но и вежливые, социально-приемлемые языковые конструкции, являющиеся этикетными формулами.

Подобное положение дел во многом *осложняет* проблему лингвоэкологичности социальной интеракции и, в частности, проблему экологичности коммуникативно-справедливого взаимодействия, так как с позиций прагматического подхода реплики (или речевые действия), маркированные языковыми средствами со сниженной эмоциональной окраской, грубыми или просторечными формами, приемлемы (и пригодны) к функционированию в условиях социального взаимодействия и активно используются собеседниками для передачи своего коммуникативного намерения. Другими словами, на современном этапе развития и в современном социально-моральном «климате» [термин из: Романов, Романова, Воеводкин, 2000] категория коммуникативной справедливости «оправдывает» любые языковые средства, использованные собеседниками для достижения поставленных целей, в том случае, если эти средства успешно выполняют свое функциональное предназначение в реализуемом типе фрейма.

Тем не менее, пока в современном дискурсивном пространстве возможно возникновение противоречий между собеседниками по поводу предлагаемых одним из них языковых средств выражения коммуникативного намерения (см. дискурсивные отрывки (3) и (4)), язык по-прежнему представляет собой инструментарий социального контроля за речевым взаимодействием, а лингвоэкологичность справедливой коммуникации предоставляет возможность современной говорящей личности избежать духовной деформации и искажения морально-нравственных норм. Так, из складывающейся ситуации может быть предложен выход, основанный на соотношении между выбором собеседниками языковых средств маркировки коммуникативного намерения и успешной реализацией поставленных ими интерактивных целей. Схематично, эту идею можно представить в виде следующего конструкта лингвоэкологической справедливой коммуникации [подробнее о коммуникативном конструкте см.: Романов, Немец, 2006; Романов, Новоселова, 2013]:

Конструкт лингвоэкологической справедливой коммуникации

На представленном конструкте лингвоэкологической справедливой коммуникации кругами обозначим два его элемента – языковой и прагматический, расположив их на противоположных полюсах континуума социальной и коммуникативной действительности и, следовательно, сделав допущение, что они состоят в отношении противопоставления (возможном не только в рамках данного конструкта). Стрелки «влево» / «вправо» обозначает движение по континууму содержания конструкта коммуникативной справедливости от точки отсчета, т.е. от точки КС (коммуникативная справедливость) к левой или правой точкам КНС (коммуникативная несправедливость).

Подобное схематичное представление дает возможность понять, что коммуникативная справедливость дискурсивного взаимодействия возможна, когда языковой и прагматический элементы полностью накладываются друг на друга и образуют один круг, расположенный в центре интерактивного пространства данного конструкта, т.е. ровно посередине двунаправленной стрелки, в точке КС. Кроме того, в коммуникативно-справедливом взаимодействии не допустим перевес в какую-либо сторону (см. перекрещивающиеся стрелки), который неизбежно повлечет за собой коммуникативную несправедливость. Так, установка партнеров на приоритетный учет только формальной стороны их реплик затруднит дальнейшее продвижение к решению поставленных целей диалогического взаимодействия, а такие реплики будут оцениваться ими как коммуникативно-несправедливые (см. стрелку 1). Но в то же время нацеленность одного из собеседников на результативность диалога может сводить к минимуму его усилия в выборе языковых средств маркировки своего намерения, что в свою очередь повлечет негативную оценку выбранных языковых средств другим собеседником.

ВЫВОДЫ

Итак, проблема функционирования в социальном коммуникативно-справедливом взаимодействии языковых средств, засоряющих речь и делающей ее просторечно-грубой, представляется достаточно острой, так как их использование оправдывается прагматической целью эффективного воздействия на адресата. Во многом усугубляет данную проблему тот факт, что ряде случаев даже использование вежливых высказываний и формул социального этикета может восприниматься собеседниками как навязывание неприемлемого типа фреймового взаимодействия. Тем не менее, предложенный *конструктивно-языковой подход* к лингвоэкологическому коммуникативно-справедливому взаимодействию, который основан на комплексном учете языковых и прагматических характеристик высказываний, позволит

по-новому взглянуть на представленную проблематику, так как он ставит в центр исследования не отдельную языковую личность или человека говорящего, а человека, находящегося в социальном пространстве и языковой среде, которые влияют на его выбор способов языковой репрезентации своего коммуникативного намерения.

Список литературы

1. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 34-47. – Режим доступа : <http://tverlingua.ru>.
2. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как прагматический конструкт / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а. – № 2. – С. 59-74. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
3. Новоселова О.В. Функциональные характеристики дискурса коммуникативной справедливости / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2015б. – № 3. – С. 88-100. – Режим доступа : <http://tverlingua.ru>.
4. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения /А.А. Романов. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
5. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб / А.А. Романов. – Москва : Институт языкознания РАН, 2005. – 153с.
6. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения /А.А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2008. – № 1. – С. 71 – 75. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
7. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвopsихологический анализ /А.А. Романов, Н.Г. Немец. – М.: ИЯ РАН, 2006. – 144 с.
8. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции /А.А. Романов, О.В. Новоселова. – Москва-Тверь : ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.
9. Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: язык власти и власть языка / А.А.Романов, Е.Г. Романова, Н.Ю. Воеводкин. – М. : Лилия ЛТД, 2000. – 112 с.
- 10.

Источники примеров

1. Гладов О. Любовь стратегического назначения (2000-2003) [Электронный ресурс] / О. Гладов. – Режим доступа : <http://mreadz.com> (дата обращения 20.01.16).
2. Голованов В. Я. Остров [Электронный ресурс] / Я.В. Голованов. – Режим доступа : <http://www.web-lit.net> (дата обращения 20.01.16).
3. Левицкий А. С.Х.В.А.Т.К.А. [Электронный ресурс] / А. Левицкий. – Режим доступа : <http://fanread.ru/book/6567304/> (дата обращения 20.01.16).
4. Шукшин В. Любавины. – М.: Книжная палата, 1988. – 448 с.

CONSTRUCT OF LINGUAECOLOGICAL FAIRY COMMUNICATION

Romanov A.A., Novosyolova O. V.

The article considers the category of pragmatic communicative fairness, which is able to regulate dialogic communication and divide all discursive practices (regardless of their formal grammatical features) in communicative fair and communicative unfair, as well as the problems of functioning in social communicative fair interaction of linguistic means, polluting it and making it colloquial and rough. The suggested approach to linguaecological communicative fair interaction is based on a complex account of linguistic and pragmatic characteristics of speech utterances and it allows a new look at the this problems because it puts in the research center not a separate language person or a speaking person but the person who is in the social space and language environment that influence his choice of linguistic representation of his communicative intentions.

Keywords: discursive practice, category of communicative fairness, communicative fair practices, social interaction, construct of linguaecological fairy communication.